

РЕЖИМ НЕГАТИВНОГО КОНСЕНСУСА

Базовые цели, свойства, характеристики российской политической системы

АНДРЕЙ КОЛЕСНИКОВ | ДЕКАБРЬ 2017

Россия — страна хронического транзита. Даже в состоянии «плохого равновесия»¹ и отказываясь от какого-либо движения, кроме инерционного, в воображении и изображении пропаганды она продолжает идти от плохого к хорошему, от хорошего к очень хорошему. То есть — от выборов к выборам, от одних предвыборных обещаний к другим.

В результате власть не меняется почти два десятилетия, предвыборные обещания обесцениваются или вообще становятся ненужными, а предвыборные ожидания оказываются крайне низкими и сводятся в условиях экономической депрессии к узкопрагматическим требованиям: инфляцию бы пониже, зарплаты и пенсии — повыше. Желательно также, чтобы продолжалась политика укрепления конструкции «великой державы», «осажденной крепости» и уязвления внешних и внутренних «врагов».

На этом фоне президентские выборы — 2018 мало что меняют. Они лишь обозначают саму по себе возможность изменений, а точнее — формируют невнятные и иллюзорные надежды на какие-то неопределенные перемены. И на очередной транзит с участием несколько обновленной команды Путина — появление новых

региональных руководителей и чиновников, ответственных за его безопасность и адекватную реакцию на текущие обстоятельства. Более технократичных, дистанцированных от первого лица, употребляющих в личном общении с ним не «ты», а «вы», не вошедших в пенсионный возраст и заслуживших доверие беспорочной аппаратной, протокольной или охранной службой («капитализм охранников» вместо «капитализма друзей»).

Базовая цель такой системы — максимально длительное самосохранение правящего класса, то есть людей, существующих под зонтичным брендом «Путин», у власти. Поскольку сами они воплощение модели государственного капитализма по-русски («власть равна собственности»), в рамках базовой цели есть задача сохранить и саму систему с небольшими корректировками, которые

ОБ АВТОРЕ

Андрей Колесников — руководитель программы «Российская внутренняя политика и политические институты» Московского Центра Карнеги, колумнист газеты «Ведомости» и интернет-издания «Газета.Ру», член правления Фонда Егора Гайдара.

необходимы, чтобы адаптироваться к все-таки меняющимся внешним и внутренним условиям.

Эти корректировки, собственно, и станут *имитацией* транзита в 2018–2024 годах. Поскольку настоящий транзит — от гибридной автократии к более демократичному, гибкому и рыночно ориентированному режиму — не входит в планы политического класса (он слишком опасен, поскольку способен привести к потере власти), *следующий президентский срок может стать лишь преддверием изменения системы, а не собственно периодом транзита.*

Тем не менее политический режим приглашает «пассажиров» — российских граждан — в зону транзита, пока не объявляя ни времени полета, ни его направления. Каковы тактико-технические характеристики этого политического лайнера? Позволяют ли они ему в принципе взлететь? И будут ли продавать еду в кафе аэропорта? Или, учитывая масштабы пропаганды и чиновничества, у нас все будет как в старом армейском анекдоте: «Товарищ прапорщик, а крокодилы летают? — Что? Кто тебе такую чушь сказал?! — Товарищ майор. — А, товарищ майор... Ну, вообще-то летают, но так — низенько-низенько».

СВОЙСТВА ТРАНЗИТНОЙ СИСТЕМЫ

Ключевое свойство системы — ее **государствоцентричность**. Государство — это «мы». А «мы» — это несколько кругов аппаратной и политико-финансовой элиты, в той или иной степени приближенной ко двору.

Все для государства, ничего вне государства, все под государством, то есть под контролем групп, это государство представляющих (именно групп, а не институтов, например парламента). Для формирования такой модели есть исторические основания. Собственность в России всегда скорее выдавалась государством, чем создавалась снизу без его участия². И даже приватизация (разгосударствление) в 1990-е не привела к тому, что предприниматели, особенно крупные, смогли окончательно дистанцироваться

от государства (опять же если понимать государство как группу лиц, окружающих первое лицо). А за первые 15 лет XXI века была сформирована такая модель государственного капитализма, при которой крупные собственники должны были буквально выполнять волю государства, иначе их бизнесы не могли выжить. И теперь иной раз невозможно отличить частную компанию от государственной (как, например, «Роснефть»). Кто владеет государством, тот и обладает собственностью и управляет ею.

Исторически обусловлена и политэкономическая природа сложившегося в России режима. Она хорошо показана Александром Эткиндо в его работе «Внутренняя колонизация. Имперский опыт России». Обладатели главного ресурса становятся одновременно и управляющей группой. Доход и ренту, которую они делят между собой, приносит транспортировка ресурса (пушнины когда-то, нефти — сейчас), поэтому необходимо обеспечить ее безопасность. Безопасность транспортировки приравнивается к безопасности группы-ресурсообладателя, а значит, и к безопасности государства. «Те, кто обеспечивает безопасность собственников, склонны захватывать контроль над их собственностью... — описывает Эткинд природу торговли пушниной XVI–XVII веков, — ...группа, торгующая ресурсом, и группа, которая защищает государство, сливаются до неразличимости»³. В результате «зависимость государства от таких ресурсов (пушнина, нефть. — А. К.) делала трудовое население излишним. Для добычи, хранения и транспортировки безопасность была более важна, чем свобода»⁴. И здесь «эффект колее», зависимость от того, что было раньше, доходит до исторического буквализма: трубопроводы «Газпрома» повторяют сухопутные пути московской пушной торговли, а «Северный поток» проходит «точно по старинным морским путям ганзейской торговли с Новгородом»⁵.

Современная Россия не имперское государство. А вот политический режим претендует на **имперскость**:

во внешней политике обозначает себя метрополией воображаемой империи (попытки лидерства на постсоветском пространстве и деление мира на зоны влияния в духе XIX–XX веков), во внутренней — индоктринируя население имперской идеологией. Собственно, инкорпорация Крыма — это и военно-политический шаг, и идеологический. Это кульминация применения на практике того сильно устаревшего типа имперскости, который предполагает авторитаризм и экспансию, оправдываемую религиозным языком⁶ (именно такова аргументация в речи Владимира Путина перед Федеральным собранием 18 марта 2014 года)⁷.

Будучи государствоцентричной, эта система **монопольна**. Отсюда и дефицит конкурентности в экономике, бизнесе, политике, пренебрежение правами собственности тех субъектов экономического развития, которые не связаны с государством — не контролируются им и не делятся с ним рентой. Извлечение узкой элитной группой ренты из своего монопольного положения окружается дымовой завесой из идеологии империализма, изоляционизма, антизападничества, антилиберализма. Несправедливая и неэффективная модель существования государства таким образом получает индульгенцию и моральное одобрение в обмен на чувство гордости за державу. Можно назвать этот феномен *идеологической и моральной рентой*.

Монопольность естественным образом предполагает **корпоративность** — системой удобнее управлять, если все социальные группы загнаны в ячейки: подконтрольные партии, в том числе те, которые имитируют оппозицию; подконтрольные общественные организации, представляющие имитационное «гражданское общество»; профессиональные, гендерные структуры и, конечно, молодежные «корпорации» — система заинтересована в индоктринации молодежи и формировании из нее будущего электорального «мяса» и управленческого «планктона».

В условиях отсутствия конкуренции в экономике и в ситуации, когда компромиссы в политике скорее связаны с закулисными договоренностями, а успех в бизнесе, как и защита частной собственности, зависит — на всех уровнях, от федерального до локального, — от близости к государственным структурам, система неизбежно становится коррупционной. В дополнение к взяткам «борзыми щенками» появляются взятки «*политической лояльностью*».

В системе плохо работают правила и институты. Первые, как и правовые нормы и уголовные репрессии, применяются избирательно, вторые — подверглись профанации и скорее имитируют нормальную деятельность. Система **деинституционализована** — это уже общее место. Однако проблемы на этом не кончаются. Мы привыкли считать, что в авторитарной системе по-русски есть по крайней мере один работающий институт — президент. Да, это ручное управление, но все же управление — точечные, субъективные решения как результат лоббизма «двора», «прямых линий» и персональных представлений главы государства о добре и зле, эффективности или неэффективности. Кроме того, в ряде случаев президент выполняет роль политических весов и внутриэлитного арбитра. Однако мало того, что у такого типа управления существуют естественные физические пределы, — не всегда понятно, в каких случаях слово президента или его прямое распоряжение имеет реальный политический вес, а когда несет факультативный, необязательный смысл. И почему иногда оно работает, а иногда — нет; почему каким-то политическим фигурам дозволено больше, например Рамзану Кадырову и Игорю Сечину, а иным — гораздо меньше. Получается, что размыты и могут быть изменены в пользу отдельных игроков не только правила, но и неформальные «понятия», регулирующие отношения в политико-экономических верхах.

Более или менее понятно, в чем содержание и смысл неформального контракта Кадырова с Путиным: он обес-

печивает мир в Чечне в обмен на большую степень свободы в высказываниях и действиях. Граница этих действий интуитивно и ситуативно определяется все-таки президентом, а не главой Чечни. Примерно в таких же условиях действует и Сечин: когда-то ему было доверено — в качестве неизменного главы сменяющихся канцелярий Путина — в прямом и переносном смысле носить портфель шефа, теперь — отвечать за не менее дорогой актив, нефть. Доверие и мало кому известные особенности личных отношений начальника и подчиненного и предопределяют снисходительность — иначе это и не назовешь — Путина к Сечину.

Система тонкой ручной настройки дает иллюзию контроля, но на самом деле она довольно сильно **разбалансирована**. Политический режим для консолидации собственных сторонников в течение долгих лет, и особенно после присоединения Крыма в 2014 году, нагнетал атмосферу агрессии и подозрительности по отношению к инакомыслящим и несогласным. К насаждению неписаной идеологии изоляционизма добавилась стимуляция — с помощью соответствующего языка — враждебности ко всему чужому. На нас нападают (Запад, иностранные агенты, нежелательные организации, внутренние враги) — мы защищаемся. Нас оскорбляют (неправильно интерпретируют нашу историю, задевают наши религиозные, православные, чувства) — мы обороняемся.

Рано или поздно крышку с котла должно было сорвать — вечно оскорбленные и обороняющиеся перешли в нападение, причем без санкции государства. Зараженных агрессией верующих оскорбил фильм «Матильда», ненависть к оппозиционным политикам и журналистам нашла выход в атаках на них — поджогах и нападениях с причинением физического вреда, самоорганизующиеся движения типа SERB начали свою собственную войну против сторонников либеральных и демократических ценностей. Такая активность негласно поощрялась, в том числе и частью официальных лиц РПЦ, государство дава-

ло понять, что одобряет действия столь специфического «гражданского общества». Тем более что правоохранные органы, как правило, никак не реагируют на подобные акции прямого действия. В результате пришлось сдавать назад, чтобы перешедшие в режим самоуправления погромщики не наносили вред имиджу самого государства, — были взяты под стражу наиболее заметные приверженцы «народного изоляционизма» из движения «Христианское государство — Святая Русь».

Журналист Юлия Латынина, одна из жертв погромщиков, так охарактеризовала ситуацию: «Кремль систематически поощрял любое насилие, которое может быть направлено против оппозиции. Кремлю хотелось создать в России эдакий внутренний Донбасс. Ситуацию, при которой носители любых видов мракобесия внутри России самостоятельно мочили бы любые ростки свободы, а Кремль мог бы развести руками и сказать: „Мы здесь ни при чем — это инициатива народа“. Это — шахтеры и трактористы»⁸.

Получается, что государство самоустраняется — отказывается от монополии на легитимное насилие. Нельзя сказать, чтобы его это не беспокоило, сразу после волны «самоуправства» ряд политических деятелей высказался отрицательно о такого рода явлениях. Но как загнать назад в бутылку джинна самодеятельной погромной активности, если она охватила представителей социальной базы политического режима, государство не знает. И тогда возникает вопрос: где границы управляемости политической системы? Так ли уж эффективен режим ручного управления, который пропускает удары от тех, на чью поддержку опирается?

Самоорганизация радикалов, инфекция неуправляемого насилия — лишь часть общей картины, одно из ключевых свойств которой — **усиление конфликтности** в обществе и государстве и между обществом и государством. Дело не только и не столько в протестной активности — она

увеличивается и распространяется, но при этом не является определяющим фактором, который влияет на власть и положение дел в стране. Речь о другом: недовольстве решениями, которые власть принимает, не советуясь с гражданами. Особенно это характерно для двух столиц. Истории с передачей Исаакиевского собора в Санкт-Петербурге Русской православной церкви и программой сноса пятиэтажек в Москве — наиболее характерные примеры конфликтов по конкретным поводам с политизацией тех граждан, которые не были политизированы⁹. Параллельно продолжается борьба со структурами гражданского общества — неподконтрольными государству НКО, волонтерами, гражданскими инициативами. В монополизированной и корпоративистской системе любая не санкционированная сверху активность представляется заведомо опасной и нежелательной. При этом государство продолжает создавать иллюзию гражданского общества, поддерживая грантами и административным ресурсом имитационные гражданские объединения.

Базовое свойство системы — **безальтернативность первого лица**. Она же порождает множество более мелких «безальтернативностей» — региональных руководителей разных уровней, первых лиц больших компаний, главных медийных фигур. Такая ситуация исключает конкурентность. Точнее: *кто конкурентоспособен, а кто нет — решает первое лицо в государстве*.

Посткрымское большинство — социальная база режима — держится на двух *столпах*: одобрении деятельности президента (именно деятельности и именно президента — речь не идет о рейтинге доверия или электоральном рейтинге) и одобрении присоединения Крыма — не как действия, которое имело место уже все-таки довольно давно, а как константы, основы основ режима, достигнутого зрелости в марте 2014 года, как главного события в истории постсоветской России. Неслучайно выборы президента в 2018 году назначены на 18 марта — годовщину присоединения полуострова: это и не выборы

в собственном смысле слова, а своего рода *праздник идентичности посткрымского большинства*.

Лояльность по умолчанию — важнейшая характеристика сложившейся системы. Президент что-то сказал — большинство повторяет за ним. Глава государства назначил губернаторов — на региональных выборах население голосует за президентских назначенцев. Социологи «Левада-центра» изобрели вымышленного кандидата в президенты с неяркими именем и фамилией Андрей Семенов, которого якобы поддерживает Путин, — и он немедленно получил поддержку 18 % избирателей, в том числе 15 % из тех, которые заявили, что ничего о нем не слышали. Более того — 11 % опрошенных сказали, что слышали о поддержке Путиным кандидата Семенова¹⁰. Это говорит даже не о готовности жить внутри конструируемой реальности с политическими слуховыми галлюцинациями, а о жизни уже внутри нее при полном безразличии к тому, что происходит в стране. Есть еще такой фактор, как информационный шум, замусоренность информационного поля, когда дезориентированному потребителю новостей кажется, что он слышал ту или иную новость, даже если ее не было на самом деле.

И здесь речь идет уже о тонкой границе между правдой и правдоподобием, о легко достижимом эффекте дезинформации и диффамации. Новость о возможном премнике Путина правдоподобна, поэтому многим кажется, что они где-то ее слышали. А что новый фаворит главы государства неизвестен широкой публике — так и, во-первых, не уследишь за ними за всеми там наверху, а, во-вторых, раз президент «назначил» его своим премником — значит, это, само собой разумеется, человек достойный.

ПЕРМАНЕНТНАЯ КОНТРЕВОЛЮЦИЯ

Цель системы и ее лидера — **самосохранение**. Все остальное — и хорошее, и плохое — лишь побочные продукты достижения этой цели. Процесс никогда не оста-

наливается: это, перефразируя Льва Троцкого, перманентная контрреволюция. *Социально уязвимые слои получают поддержку в той мере, в какой это способствует сохранению социального мира. При этом само «население», лишённое функций граждан, приучают к социальному иждивенчеству в обмен на поддержку режима.*

В такой системе все — **негативное**. Негативная адаптация к кризису — понижение нормы, совмещенное с аутотренингом («не жили хорошо — и нечего начинать») и сеансами массовой терапии («ВВП растёт!»). Негативная мобилизация и консолидация (нас атакуют — мы защищаемся в своей осажденной крепости от внешних врагов и внутренней «пятой колонны» и объединяемся вокруг командира крепости). Негативная идентификация (мы — другие, духовные, религиозно оскорбленные, «суверенитетом не торгуем», «у нас тысячелетняя история»).

Такая позиция вместе с хроническим синдромом осажденной крепости предполагает не только усиление конфликтности — с внешним миром и внутренними несогласными, но и рост **репрессивности**. В том числе как способа ротации управленческого слоя: среднестатистический губернатор никогда не знает, как он уйдет в отставку — предложат ли ему пройти в лимузине с номерами «АМР», который прилагается к ни к чему не обязывающей должности «спецпредставителя президента», или в камеру предварительного заключения после получения нежданного «подарка», обработанного спецсоставом. Репрессивность может быть и превентивной: лучше сразу назначить несколько суток ареста заметному оппозиционеру еще до начала протестной акции, чем потом расхлебывать последствия массовых демонстраций. Репрессивность предопределяет поведение и полиции, и следователей, и судей. Она — мода, мейнстрим, поощряемый тип поведения правоохранителей. Репрессивность действительно устрашает, и средний гражданин десять раз подумает, готов ли он прове-

сти время в автозаке с неясными последствиями — или ему проще остаться дома наедине со своим глухим недовольством властью. Для наиболее активных и серьезных противников режима, совмещающих публичную и правозащитную деятельность, иной раз лучшим выходом становится отъезд — пусть и на время — за границу. Для таких людей есть целый набор внятных сигналов — от преследования непонятными личностями (как это было с Юлией Латыниной — и вряд ли именно в этом случае можно говорить исключительно о «народном» недовольстве ее журналистской деятельностью) до обысков и иных следственных действий (как это было в случае с главой организации «Русь сидящая» Ольгой Романовой).

На самосохранение системы работает и **идеологический каркас**: идея присоединения Крыма как клей для нации (перманентная объединяющая «скрепа» режима); синдром осажденной крепости (в зависимости от внешнеполитической ситуации интенсивность его проявлений меняется, но есть и не исчезающие уже годами элементы: внешние враги; внутренняя «пятая колонна»; «давление Запада»; НАТО; сирийская война как символический конфликт и его завершение, демонстрирующие мощь России; «ось зла» — страны Балтии, Польша, Грузия, США, ЕС; «тысячелетняя история» как основа «суверенитета» и наших «побед»).

Все это вместе образует *посткрымский негативный консенсус*: в стране могут быть проблемы, и очень серьезные, но фундаментально нация объединяется на основе общих антизападных, изоляционистских, охранительных ценностей. Несогласное меньшинство следует убедить присоединиться к посткрымскому большинству, в противном случае его представителей ждет неформальный статус отщепенцев, а иногда и формальный статус нарушителей закона — как административного, так и уголовного. Закрываются, разоряются или переподчиняются независимые медиа, индоктринируется молодежь, запугиваются

чрезмерно активные граждане, контролируется интернет, появляются «нежелательные» организации и обсуждаются идеи формализации понятия «нежелательных» физических лиц, как иностранных граждан, так и россиян. Формируется феномен «тирании большинства»¹¹, причем представители этого большинства тиранят себя по преимуществу сами, цензурируя самих себя, ограничивая свою гражданскую и политическую активность.

Традиционалистская идеология, которая должна была быть стабилизатором и предохранителем системы, в результате грубого и навязчивого применения (пропаганда, репрессии, атмосфера нетерпимости) превращается в инструмент дестабилизации и провоцирует конфликты в обществе. *Традиционализм на практике трансформируется в фундаментализм*, который уж точно не работает на стабильность системы.

Из-за негативной идентификации и консолидации трудно сформировать коалицию за позитивную программу перемен (реформ, модернизации). Все коалиции вокруг ядра системы формируются на негативной основе — это «дружба» против кого-либо или чего-либо, а не за — позитивную программу, дорожную карту, образ желаемого завтра. Если и происходит поиск моделей будущего, то они строятся на негативной основе — больше «суверенитета» (фетиш российской власти), импортозамещения, «независимости» от Запада, в том числе и в технологическом развитии. Даже цифровая революция превращается в некую изоляционистскую цифровую утопию, которая поддерживается государством ради государства, не в последнюю очередь для нужд его спецслужб. Вместо развития на основе свободы — политической и предпринимательской — предлагается цифровая картинка отдаленного будущего, вроде построения коммунизма к 1980 году в программе КПСС.

Поиски такого образа будущего — это скорее компенсация отсутствия достижений в настоящем. Этим же объяс-

няется тот факт, что для легитимации нынешней власти приходится ссылаться на славное прошлое, особенно на достижения советского периода с акцентом на сталинскую эпоху, что, в свою очередь, ведет к сталинизации массового сознания¹².

В таких обстоятельствах готовности к переменам, а главное, веры в то, что они возможны, и у элит, и у простых граждан практически нет. Перемены либерального толка способны затронуть основы режима, и тогда может посыпаться вся конструкция власти. *Не изменения, а их отсутствие — консолидационная и прагматическая основа модели выживания российской власти.*

Тем не менее система едва ли выживет, если не будет подвергнута коррекции. Какой будет эта коррекция — главная интрига — 2018–2024.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Подробнее о плохом равновесии в политическом смысле: *Колесников А.* В ожидании четвертого срока: российский политический режим за год до выборов. — Московский Центр Карнеги. — 4 апреля 2017 года // <http://carnegie.ru/2017/04/04/ru-pub-68501>.
- 2 См., например, на этот счет интересную концепцию Анатолия Чубайса: Изучая настоящее, проектируем будущее: материалы юбилейных гайдаровских чтений, посвященных 25-летию Института Гайдара. — М.: Издательство Института Гайдара, 2015. — С. 70–71 // <http://economytimes.ru/sites/default/files/Book.pdf>.
- 3 *Эткинд А.* Внутренняя колонизация. Имперский опыт России. — М.: Новое литературное обозрение, 2016. — С. 110.
- 4 Там же, с. 138.
- 5 Там же, с. 136.
- 6 *Мюллер Я.-В.* Споры о демократии. Политические идеи в Европе XX века. — М.: Издательство Института Гайдара, 2017. — С. 29–30.
- 7 Обращение Президента Российской Федерации. — 18 марта 2014 года // <http://kremlin.ru/events/president/news/20603>.
- 8 *Латынина Ю.* Православный терроризм-лайт. — Новая газета. — 11 сентября 2017 года // <https://www.novayagazeta.ru/articles/2017/09/11/73786-pravoslavnyy-terrorizm-layt>.
- 9 Подробнее о причинах, следствиях и механизмах самоорганизации гражданского общества: *Колесников А., Волков Д.* Самоорганизация

гражданского общества. — Московский Центр Карнеги. — 14 декабря 2016 года // <http://carnegie.ru/2016/12/14/ru-pub-66437>.

- 10 *Мухаметшина Е.* За кандидата в президенты Семенова готов проголосовать каждый пятый избиратель. — Ведомости. — 20 сентября 2017 года // <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2017/09/19/734516-progolosovat-za-vidumannogo-kandidata>.
- 11 *Истерли У.* Тирания экспертов. Экономисты, диктаторы и забытые права бедных. — М.: Издательство Института Гайдара, 2016. — С. 211.
- 12 Подробно эти механизмы рассмотрены в работе: *Колесников А.* Историческая политика в России: почему она разобщает, а не объединяет. — Московский Центр Карнеги. — 9 августа 2017 года // <http://carnegie.ru/2017/08/09/ru-pub-72746>.

МОСКОВСКИЙ ЦЕНТР КАРНЕГИ

Московский Центр Карнеги более 20 лет служит одним из самых авторитетных источников аналитической информации о России и странах бывшего СССР. Публикации Московского Центра Карнеги выходят на русском

и английском языках и охватывают широкий круг вопросов — от внутренней политики и тенденций развития общества до внешнеполитической повестки и проблем нераспространения ядерного оружия.

ФОНД КАРНЕГИ ЗА МЕЖДУНАРОДНЫЙ МИР

Фонд Карнеги за Международный Мир был учрежден Эндрю Карнеги в 1910 году. Основная задача Фонда — содействие сотрудничеству между странами. В своей деятельности Фонд опирается на работу исследователей и специалистов из региональных центров Карнеги в Бейруте, Брюсселе, Вашингтоне, Дели, Москве и Пекине.

© 2017 Carnegie Endowment for International Peace. Все права защищены.

Фонд Карнеги за Международный Мир и Московский Центр Карнеги как организация не выступают с общей позицией по общественно-политическим вопросам. В публикации отражены личные взгляды автора, которые не должны рассматриваться как точка зрения Фонда Карнеги за Международный Мир или Московского Центра Карнеги.

